

Минь Цзинь, кажется, говорил что-то еще, что-то совершенно новое и странное...

Мо Чанкун не хотел слушать, но не мог удержаться. Крепко запертая дверь в его сердце приоткрылась на крошечную щель, откуда вырывались причудливые образы, манившие его любопытство, заставляя желать войти и исследовать.

Это неправильно.

Мо Чанкун понял, что не должен слушать дальше. Он придумал какой-то предлог и поспешно сбежал из усадьбы Чаюнь, вернулся на Пик Уцзянь и заперся в своей комнате, стараясь не думать об этих образах.

Но чем больше он старался не думать, тем больше думал. Каков вкус блаженства?

Шизун учил его, что мечник должен быть чист сердцем и не поддаваться внешним влияниям.

Ночью, лежа в постели с закрытыми глазами, Мо Чанкун снова и снова обдумывал происходящее. Он хотел выбросить эти нелепые мысли из головы, но вместо этого в его сознании постоянно всплывали образы юноши рядом с Минь Цзинем, беспорядочные сцены... Постепенно его мысли становились мутными, словно во сне, и в какой-то момент Минь Цзинь превратился в него самого, а юноша — в образ шизуна...

Злое существо, вылезшее из грязной лужи скверны и крови, наконец не выдержало и совершило чудовищное преступление.

.....

Мо Чанкун никогда не видел таких снов. Проклятие призрачной паучихи усиливало все его эмоции. В его разуме появлялось все больше и больше иллюзий, от размытых до все более четких — бесчисленные образы шизуна возникали рядом, стояли или сидели, шептали ему на ухо сладкие слова:

«Чанкун, не бойся».

«Чанкун, ты мне очень нравишься...»

«Чжанкун...»

- Убирайтесь! - глаза Мо Чанкуна налились кровью. Он рычал, пытаясь изгнать эти соблазнительные ловушки, но чем сильнее он злился, тем больше новых иллюзий возникало в его разуме, продолжая нашептывать самые сладкие слова, дразня и подталкивая его к пропасти.

«Чанкун, я люблю мужчин».

«Чанкун, не сопротивляйся, это так приятно».

«Чанкун, хочешь попробовать вкус блаженства...»

- Нет, не хочу, - Мо Чанкун, отступая, прижался к стене, в его стойком сердце появились трещины, ясный разум помутился. В бесконечной борьбе он словно снова оказался в подземной бездне, в кровавой луже, и увидел там самого себя, смеющегося и говорящего:

- Нет, ты хочешь.

Жестокость, жадность, иллюзии, непонимание... Это был его внутренний демон.

□.....

- Чанкун! Чанкун! Что с тобой? Все в порядке?!

За решетчатыми окнами слышались тревожные удары, это шизун, взволнованный шумом, пришедший проверить, что случилось.

Сознание Мо Чанкуна слегка прояснилось. Он поднял голову из тьмы, в замешательстве уставился на прутья оконной решетки, пытаясь различить сон и реальность в знакомом голосе. С большими усилиями он сумел вернуть себя из глубин бездны.

Окно было не заперто и открылось без усилий. Была глубокая ночь, лунный свет заливал все вокруг. Шизун стоял босиком, наспех набросив старую накидку. Его длинные волосы были мокрыми и растрепанными, с остатками мыльной пены.

Он выбежал во время купания...

Мо Чанкун медленно поднялся и не спеша подошел к нему. Шизун почувствовал исходящий от него запах алкоголя и, оглядев комнату, полную разбитой мебели, спросил:

- Ты пьян?

Мо Чанкун слегка кивнул:

- Да.

- Плохой у тебя характер, когда напьешься, - шизун, увидев, что с ним все в порядке, вздохнул с облегчением. Он хотел было его пожурить, но понял, что в таких ситуациях нет смысла наказывать, и, подумав немного, вспомнил что-то забавное. Он сильно ткнул Мо Чанкуна в лоб и, смеясь, сказал, - Если это повторится, я нарисую тебе черепаху.

Такие красивые руки...

Мо Чанкун пристально смотрел на едва заметную ямочку у уголка рта шизуна, не слыша его слов. Его взгляд медленно скользил вниз, обводя изящную шею и небольшой кадык, и наконец остановился на тонкой старой одежде...

Эту одежду шизун носил уже много лет, она была настолько старой, что слегка деформировалась. Воротник был свободный и влажный, источая чистый запах.

Раньше он не понимал чувств, был привычен к беспечности, без лишних мыслей... Шизун никогда не думал, что ему нужно избегать чего-то в присутствии ученика, которого он воспитывал с детства. Они часто купались вместе в реке, спали ногами к друг другу на одной постели и даже ссорились из-за поз во сне.

Шизун - прирожденный мастер меча, он каждый день занимается боевыми искусствами, у него длинные ноги, тонкая талия и отличное тело....

Они вдвоем смеялись и шутили в воде, играя и обдавая друг друга брызгами. Раньше он считал эти вещи нормальными, но теперь, когда его посещали необъяснимые мысли, все воспоминания были не совсем правильными.

Шизун в его видениях и шизун перед ним постепенно сливались, а обычные слова и поступки окрашивались в двусмысленные тона.

Неужели он все это время соблазнял меня?

Сердечные демоны не могли сдержаться, чтобы не вырваться наружу, и все больше странных мыслей бросали вызов шаткому рассудку.

Дыхание Мо Чанкуна постепенно становилось все тяжелее, его охватывало замешательство и непонимание. Почему он, демон из хаоса, должен следовать человеческой морали, учиться различать добро и зло? Почему должен накладывать на себя тяжелые цепи, сдерживаться и подавлять свои желания, боясь поступать так, как хочется?

Шизун заметил его недоумение и озабоченно спросил:

- Что с тобой?

Луна скрылась за облаками, и длинная ночь потеряла свои краски в темноте. Гнусные мысли варварски разрастались в его разуме. Мо Чанкун не смог сдержаться и протянул руку через оконную решетку, втащив желанную добычу в свои объятия, крепко сжав ее, а затем вдохнул аромат мыла, исходящий от воротника одежды.

Он был диким зверем, запертым в ловушке, голодным, с кроваво-красными глазами и острыми клыками, яростно бродящим по глубокой яме, из которой не мог выбраться. Хриплым голосом он взмолился:

- Шизун...

- Я голоден...

...

- Не капризничай, если голоден, подожди немного! Я пойду приготовлю тебе что-нибудь, - шизун не заметил его изменений и не почувствовал нависшую злонамеренность. Он без колебаний вырвал свою руку из захвата Мо Чанкуна и поспешно направился на кухню. Там он приготовил большую кастрюлю лапши с тушеной бараниной и суп для снятия похмелья, принес все это в комнату Мо Чанкуна, убрал бардак, подал ему еду и заботливо сказал, - Ешь, пока горячее.

Мо Чанкун сидел за столом, растерянно глядя на еду перед собой.

Лапша с бараниной пахла очень вкусно...

Он нерешительно взял палочки для еды и попробовал первый кусок.

Баранина была идеальной жирности, ее тушили недолго, так что сохранилась ее упругость. Для приправы использовали корицу и имбирь, она была больше соленой и насыщенной, без сахара... Его вкусовые предпочтения отличались от человеческих, и ему было трудно найти подходящую еду вне дома. Однако, блюда, приготовленные шизуном, всегда были вкусными и идеально соответствовали его вкусу.

На столе горела маленькая масляная лампа, и яркое пламя время от времени вспыхивало маленькими искрами, слегка мерцающая и создавая слабое освещение.

- Чанкун, - лицо шизуна в свете лампы казалось еще более мягким, а ямочки на его щеках прыгали, когда он заговорил, - В последнее время я был занят делами А-Суя, не было времени поговорить с тобой и нормально готовить. Еще я грубо подшучивал над тобой... Это моя вина, не сердись больше, хорошо?

Мо Чанкун тихо поднял глаза и долго украдкой смотрел на него, стараясь восстановить

рассудок, затем тяжело кивнул, сдерживая свои беспокойные мысли, и медленно начал есть лапшу. Горячая лапша с бараниной вместе с бульоном согревала его холодное тело, разгоняя холод, принесенный тьмой.

Шизун с улыбкой спросил:

- Вкусно?

Мо Чанкун тихо ответил:

- Очень вкусно...

В этом мире только шизун любил его и терпеливо готовил для него такие блюда.

Если бы он совершил те немыслимые поступки...

Шизун все еще любил бы его?

Нет, не любил бы.

□.....

Мо Чанкун решил самостоятельно победить своих внутренних демонов. Он был сильным мечником и твердо верил, что сможет преодолеть все трудности с помощью своей непреклонной воли.

Он старался держаться подальше от шизуна, не смотреть на него, не думать о нем, избегать корня своих демонов и повсюду искать способы изгнать их. Он пробовал множество магических артефактов и лекарств, таких как пилюли для успокоения разума и техники ледяного сердца, но все это давало только временное облегчение, позволяя ему сохранять разум на короткое время. Однако, спустя некоторое время, демоны возвращались с удвоенной силой.

Каждую ночь, закрывая глаза, он видел сны, в которых превращался в хладнокровное чудовище, совершающее непростительные преступления. Он испытывал глубокое чувство вины, считая себя ничтожеством и предателем.

Но в его снах шизун всегда прощал его и снова и снова признавался в своей любви:

«Чанкун, я люблю тебя».

Голос шизуна был слишком прекрасен...

У Девы Запада есть волшебная птица с чудесным голосом. Ее пение способно заставить замолчать всех птиц и преклониться всех зверей, и оно остается в памяти на три дня, продолжая звучать в ушах. Мо Чанкун считал, что слова шизуна звучали еще прекраснее, чем пение этой волшебной птицы, проникая в его сердце, просачиваясь в душу, год за годом, принося радость и счастье, не покидая его.

Это было чувство высшего блаженства, высшего счастья.

Чем сильнее он любил, тем глубже становился его внутренний демон, и тем труднее было избавиться от него. Неизвестно, когда иллюзия шизуна начала покидать его сны и появляться перед ним, шепча бесконечные сладкие слова, увлекая его своим обольстительным смехом и подстрекая продолжать совершать ошибки.

Мо Чанкун испытывал сильные страдания.

Он был духом артефакта, созданным естественным образом, лишенным человеческого чувства стыда и не испытывающим позора за свои поступки, зная лишь удовольствие. Его представления о добре и зле, правильном и неправильном, были привиты шизуном через слова и примеры, но не были прочными. Столкнувшись с демонами, порожденными инстинктами, они быстро становились шаткими.

Шизун доверял ему, часто поручал ему свою безопасность, особенно когда был пьян, безоговорочно вверяя ему свою жизнь... Слишком много слабостей, слишком много возможностей. Он чувствовал себя как голодный зверь, круживший вокруг вкусной добычи, жаждущий съесть ее, но не смеющий. Омрачение постоянно напоминало ему о вкусе мяса, сводя его с ума от желания.

Шизун был особенно добр к нему, водил его собирать лечебные материалы для А-Суя, и иногда, когда становилось слишком поздно, они оставались на ночлег в постоянных дворах. Шизун ленился греть воду и приглашал его купаться в реке.

Это было слишком ужасно, как можно было это вынести? Он категорически отказался.

Шизун был очень удивлен...

Мо Чанкун больше не мог терпеть эту мучительную боль, он хотел попросить о помощи, но его плохой характер, дурная репутация и ненависть окружающих мешали ему. Он был известен как злодей, и теперь, столкнувшись с проблемой, не связанной с драками, оказался совершенно беспомощен...

Это все Минь Цзинь виноват! Из-за него он узнал вкус безмерного наслаждения, думал о нем день и ночь, мечтал о нем, но, не получая его, отчаянно страдал!

Мо Чанкун нагрязнул на горную виллу Чаоюнь, вытащил этого ублюдка и сильно избил его, заставляя думать, как все исправить, как вычеркнуть это дерьмо из памяти и вернуться в те счастливые времена, когда он ничего об этом не знал.

Минь Цзинь был избит до синяков и шишек, громко крича от боли. Он отчаянно умолял:

- Я правда не знал, что ты живешь столько лет с такой грозной репутацией, и все еще можешь быть таким наивным! Хватит бить, я помогу тебе найти выход!

Теперь, когда все зашло так далеко, избивание его не принесло бы пользы.

Мо Чанкун потребовал от него решение.

- Во-первых, об этом не должен узнать твой шизун, — Минь Цзинь, привычный к роли советника, начал свой анализ четко и по пунктам, — Он бессмертный мечник высокого ранга, обладающий большой самодисциплиной и высоким чувством собственного достоинства. Как он может полюбить тебя? Он изгонит тебя из секты.

Мо Чанкун неуверенно спросил:

- Может быть, он захочет...

В иллюзорном мире, созданном демоном, шизун не понимал радости и всегда сопротивлялся. Но Мо Чанкун был очень силен и настойчив, и шизун постепенно начал понимать его чувства, наслаждаться удовольствием и даже просить больше.

Мо Чанкун очень хотел попробовать...

- Некоторые мужчины действительно такие: попробовав однажды, уже не могут отказаться. Но твой шизун не такой, — Минь Цзинь, видя его возбужденный вид, остановил его, — Отношения между мужчинами противоречат законам природы, а связь между учителем и учеником бросает вызов моральным устоям Небесного мира. К тому же ты хочешь, чтобы учитель был в подчиненной роли... Это неслыханно. Если хоть слух об этом распространится, что будет с твоим учителем?

Юньчжэнь-сяньцзюнь был известен своей заботой о репутации, строгим соблюдением правил и избеганием даже малейших ошибок. Он ни за что не допустил бы такого позора.

Поэтому желание нужно скрыть, чувства нужно скрыть. Ни в коем случае нельзя позволить ему узнать...

Чем больше Мо Чанкун понимал, тем больше тревожился. Это было легко понять, но трудно

сделать, он зверь, он жаждет тела своего шизуна до такой степени, что поддается контролю своего сердечного демона и каждый день видит иллюзии. Его разум полон плохих вещей, рано или поздно его разоблачат!

<http://bllate.org/book/13607/1206732>